

Об экспедициях А.А.Макаренко к эвенкам Подкаменной Тунгуски

В 1907 и 1908 годах при поддержке Императорского Русского Географического Общества этнограф Алексей Алексеевич Макаренко предпринял экспедиции по реке Подкаменной Тунгуске (Катанге) с целью сбора материалов о расселении, образе жизни, шаманстве, обычаях эвенков и приобретения коллекций для Этнографического отдела Русского музея императора Александра III в Санкт-Петербурге.

В 1907 году А.А.Макаренко проехал гужевым транспортом из Красноярска через Кежму в Панолик, а затем на лодке проплыл от Панолика до устья Подкаменной Тунгуски, откуда по Енисею вернулся в Красноярск. Маршрут экспедиции 1908 года отличался от маршрута экспедиции 1907 года лишь «чунским заездом» – подъемом вместе с тунгусами вверх по реке Чуне. Оба плавания по Подкаменной Тунгуске от Панолика до Енисея А.А.Макаренко совершил в обществе лоцмана Павла Трефильевича Воронова и фотографа Константина Александровича Масленникова.

При первой же встрече с эвенками 31 марта 1907 года на реке Монокон близ Панолика А.А.Макаренко посетил действовавший шаманский чум, в котором накануне молодой шаман Кормил Парченев лечил камланием больную женщину. Всего в окрестностях Панолика А.А.Макаренко обнаружил пять шаманских сооружений на левом берегу и четыре – на правом берегу Катанги. Жившие на Панолике русские связывали эти шаманские постройки с камланиями старого шамана Василия Тимножонка по прозвищу «Контора» из рода Орбол Куркугирской колоды. Шаман был вынужден покинуть родные места под давлением русских, жаловавшихся на него архиерею. Ушедший с родовых земель на Панолике Василий передал свои знания шаманских обрядов своему зятю Кормилу Парченову.

Среди недоброжелателей старого шамана мог быть церковный староста Панолика: «За церковного старосту в Панолике взялся править Михаил Коронатович Кокорин, сравнительно молодой крестьянин из богатеев, торгующий в Панолике вместе с братом. Сборы собирает и отправку делает бесконтрольно, причем добросовестностью по отношению к тунгусскому добру не отличается. А настоящий церковный староста в Кежме продает «приклад» с торгов либо по знакомству. Только один староста Коронат Егорович Кокорин вел эти дела с пользой для Церкви, дав ей из продажи церковной пушнины до 3-4 тысяч рублей» [1].

Хорошо осведомленный Михаил Коронатович Кокорин 10 апреля 1907 года указал А.А.Макаренко места, где находились шаманские чумы. А.А.Макаренко вывез ряд артефактов с эвенкийских мольбищ и гробниц в Санкт-Петербург. Подводя итоги катангских экспедиций, ученый, неизменно писавший слово «музей» с большой буквы, а слово «Бог» – с маленькой, счел своим нравственным долгом извиниться перед эвенками за свои действия в интересах науки, которые ошибочно могли восприниматься как неуважение к священным местам и могилам.

В Панолике А.А.Макаренко беседовал с шаманом Кормилом Парченовым; 8-9 мая 1907 года на Подкаменной Тунгуске встретился с шаманом Федором Федотовичем Полигусом. По словам этнографа Полигус оказался весьма симпатичным душевным человеком, ходил на пароходе до самой Гольчихи, исходил много мест по обеим Катангам, видел людей, приобрел много сведений, хорошо говорил по-русски, служил 9 лет князем своего Нижнечунского рода, а главное был общителен. Он показал русским гостям деревянную куклу «мойдычан» («гара») – свою родовую святыню, доставшуюся по наследству от отца, а отцу от деда, с

*Экспедиция А.А.Макаренко
на пути из Кежмы в Панолик*

помощью которой Полигус шаманил [2].

Однако, в 1907 году А.А.Макаренко так и не удалось получить от эвенков сведений по семантике ритуальных построек – найденные близ Полигуса шаманские чумы оставались немymi памятниками религиозного знакового искусства эвенков, не поддававшегося расшифровке и интерпретации. Понимая необходимость продолжения начатых исследований, А.А.Макаренко планировал в 1908 году совершить поездку на оленях вглубь эвенкийских территорий.

Трудности и неудачи экспедиции 1908 года были связаны с охватившей регион эпидемией оспы. Опасаясь инфекции, эвенки избегали контактов с русскими и отказывались сопровождать А.А.Макаренко к своим таежным стойбищам.

В 1908 году А.А.Макаренко прибыл в Панолик в начале марта – почти на месяц раньше, чем в 1907, но из-за эпидемии эвенков на фактории не было.

27 марта 1908 года на Панолик вышли с Чуни тунгусы Алексей Белый (Тольдоуль) и Андрей Оирчин. Спросили о здоровье в деревне – тунгусятники уверили, что здоров народ. Вслед за ними пришли с Кемчи (приток Чуни) четверо тунгусов: Степан Ильич, Миняуль (Иван), старик Семен Семенович Онтоуль и Точима Дергушкин – тунгусятники целовали их и приветствовали. Общаясь с эвенками, А.А.Макаренко пытался выяснить значение предметов с шаманских мольбищ:

«28 марта – 2 апреля 1908 г. Разбирали по фотографиям – сперва Андрей Оирчин с Алексеем (Тольдоуль) Белым с реки Чуни, а затем Точима Дергушкин с реки Таймуры и Степан Ильич с реки Кемчу» [3];

«Я сводил разбросанные сведения о шаманских святилищах, онангах, идолах и прочем в одно место. Мало-мало набирается материалишко о шаманстве у

тунгусов Катанги. Но еще далеко даже до приблизительной полноты. Не узан состав тунгусского олимпа и преисподней, их значение и т.д. Не описано ни одного шаманского радения. Не пришлось побеседовать с шаманом. А камлание видел одно половинчатое шамана Полигуса с его куклой «гара». Причем шаман был пьян, торговых много было, и так я почти ничего не добился от него» [4].

Записи по теме шаманских чумов были сделаны, в основном, со слов Точимы Дергушкина и Андрея Оирчина.

3 мая 1908 года А.А.Макаренко и его спутники на лодке отправились вниз по реке Катанге. 8 мая экспедиция прибыла в Чунское торговое заведение (Байкит), куда 10 мая вышли тунгусы с Чуни – Алексей Семенович Мирошко с братьями Иваном и Василием, Павел Якимович Удыгир и другие. Эвенки пришли налегке узнать о «здоровье» в этом месте: «бояцца ованьки хвори».

В Байките тунгусов ожидал православный миссионер священник В.Седаков. А.А.Макаренко стал свидетелем Крещения взрослых тунгусов «Бульки и Чжольки». Священник поручил новокрещеным посылать к нему тунгусов с Чунки для приобщения их к церковной жизни. По мнению А.А.Макаренко «из этого крещения купцы Калмаков с Сизых получают огромную выгоду – так может быть тунгусы и не пошли шибко-то из боязни болезни, а теперь в виду священника повалят – попадут и товары тунгусов в лапы тунгусятников. Приезд священника сюда устроен для этого» [5].

Лодка Алексея Семеновича Мирошко, построенная им по русскому образцу, протекала, поэтому эвенки согласились взять А.А.Макаренко к своему стойбищу вверх по Чуне с тем, чтобы русские на своей лодке доставили их кладь.

18 мая, совершив трудный подъ-

→ (Продолжение на 10 стр.)

Фактория Панолик в 1907 году.

ем на 130 верст вверх по Чуне, лодки путешественников достигли устья Малой Чунки, откуда на следующий день А.А.Макаренко и К.А.Масленников вместе с братьями Мирошколь на оленях отправились на стойбище эвенков.

19-20 мая шаман Семен Семенович Мирошко (Хинкорча) совершил камлания для гостей, испрашивая у духов благополучного возвращения экспедиции домой. 22-23 мая Алексей Семенович при помощи Павла Якимовича и шамана Семена Семеновича выковал для музея образец старинной тунгусской брони «хольдэ».

Находясь в гостях, А.А.Макаренко стал невольным свидетелем нескольких ссор между эвенками, что привело к охлаждению отношений этнографа со старшим из братьев Алексеем Семеновичем. В то же время жизнь на стойбище сблизила исследователя с Павлом Лимпейским, который рассказывал ученому о тунгусской жизни, обычаях, верованиях.

После «чунского заезда» экспедиция задержалась в Байките, а затем продолжила плавание вниз по Подкаменной Тунгуске.

Прощаясь с эвенками Катанги, А.А.Макаренко записал: «Западный ветер крепкий шумливо играл вершинами леса, который содрогаясь издавал мощное гудение, но в то же время тягучее, похоронное, как бы в предчувствии того, что недалек конец вольной волюшки этого края, свободному бродячему житью

тунгусского населения... Когда увидимся и увидимся ли, что ожидает меня и тунгусов в ближайшем будущем? Меня занимал вопрос главным образом о будущем оставленных в лесу новых друзей. Несомненно, мы имеем в лице тунгусов весьма даровитых способных людей с благородной душой и детски наивных. Эти качества, столь ценные в человеке, и губят тунгусов» [6].

Ниже публикуются архивные материалы 1908 года, проливающие свет на некоторые малоизвестные обстоятельства катангских экспедиций А.А.Макаренко.

Экспедиция 1907 года

«В истекшем 1907 году при материальном содействии Музея Александра III я совершил поездку в Енисейскую губернию, чтобы собрать этнографическую коллекцию среди тунгусов бассейна р. Подкаменной Тунгуски, по местному называемой «Катанга». В Красноярске пригласил себе в спутники бывшего студента Санкт-Петербургского университета К.А.Масленникова. Он ездил со мною по Ачинскому уезду в 1906 году в качестве фотографа. Вторым был П.Т.Воронов, уроженец села Кежемского, ныне Красноярский мещанин лет 30-ти. Замечательный охотник, первый рыболов на Ангаре, выросший на этой славящейся своими порогами реке, плававший на пароходах, грамотный, толковый, смелый, находчивый, развитой, наблюдательный и способный к складному изложению

своих мыслей, к описанию картинному бытовой стороны деревенской жизни. В течение нескольких лет он продолжает быть моим корреспондентом по разнообразным вопросам Сибирской жизни. Мы свели знакомство, когда служили в казенном пароходстве по реке Ангаре (1897-1899). Воронов, как житель Кежмы, имел дело с тунгусами, наблюдал торговые с ними отношения крестьян и торговцев; к тому же сам успел побывать на Катанге.

В Красноярске был выработан план, сделаны закупки. В двадцатых числа марта мы были в селе Кежме. Нанял еще двух рабочих (один между прочим назвался в лоцмана), заготовил муку и т.п. продукты. Там же договорился с местным «тунгусятником» (так называют торгующих с тунгусами) о постройке грузовой лодки.

Отправив припасы обозом на трех подводах, сами на трех же подводах поехали на Катангу. К ней вела «просека», проведенная нарочито группой «тунгусятников» до Подкаменной Тунгуски, на протяжении 190-200 верст от села. Через три-четыре дня достигли Катанги и поселились в избушке одного из тунгусятников, устроивших солидный поселок в 9-10 изб на правом берегу реки в четырех верстах ниже впадения в нее речки Панолик и Паноликского порога. Это название было дано и «конторе»; иначе еще называется Кежемская Катанга, в отличие от Пановской и др.

Мы были приняты довольно враждебно тунгусятниками, подозревавшими, что миссией нашей было выследить их дела и делишки, а затем донести по начальству.

Когда вскрылась Катанга, у нас была уже готова лодка. Через день после отплытия торговых лодок, поплыли и мы на своей лодке «Катанге».

Проездом еще в Панолик мы встретились и познакомились с тунгусами. Они закончили последний весенний «по насту» промысел сохатых и подвигались за Катангу на свои летние стойбища. Приходили тунгусы и в Панолик. Мы заводили знакомства, фотографировали, покупали вещи, записывали слова. Мешали и тормовили наши отношения, однако, все те же тунгусятники, зорко наблюдая, чтобы тунгусы не оставались с нами глаз на глаз, не были бы откровенны.

Уже на лодке мы делали остановки там, где встречали сугланы тунгусов. Везде встречали уже охмелевших, обобраных тунгусов. Опросы были немислимы, сделки большей частью не удавались.

Так проплыли по Катанге, называющейся в низовье «Подкаменной Тунгуской», до ее устья. В дер. Подкаменной зачалили лодку за баржу казенного парохода в надежде подтянуться к Енисейску. В Осиновском пороге нашу «Катангу» залило, оторвало и унесло (была поймана осяком вблизи д. Сумароковой). Коллекции успели перегрузить на баржу.

Несмотря на малоудачную поездку было сделано до 14 дюжин снимков, куплены коллекции из тунгусской одежды, домашней утвари, собраны ассортименты шаманских идолов и т.п. Музеем понравилось. Что касается изучения быта тунгусов, то благодаря вышеуказанным обстоятельствам я мало сделал в этом направлении.

Теперь же намерен, наняв оленей и проводника-тунгуса, забраться в тайгу по водоразделу Подкаменной и Нижней Тунгусок» [7].

Экспедиция 1908 года

«25 февраля 1908 года выехали из Богучан. Слух был уже в Богучанах, что местами в Пинчужской волости среди русского населения оспа. В Кежемской же волости она, де, косила народ. Действительно, в каждой деревушке больных сполладимое количество оказывалось — болела и умирала мелюзга преимущественно, но хватала до смерти и взрослых, подростков. Так было на всем пути до Кежмы. В этом селе также застали оспу, она прошла выше. Что-то зловещее сулила эта хворь. В селе печальные разговоры, предсказания пущих несчастий. Скрепя сердце мы совершали свое снаряжение на Катангу. Заранее можно было предсказать, что раз ямщина ходит на Катангу, оспа будет на ней.

Я все же попробовал последнее средство, нанял подводки и крестьянина «тунгусятника» и помчался на Катангу. По предположению последнего на Катангу в торговое займище (иначе «Контора») кежемских крестьян должен был выйти тунгус, который согласился бы быть проводником ко своей братии. Примчались — 200 верст в полтора суток по таежной гористой дороге, круто мерила баба клюкой. Оказалось, тунгус ушел несколько дней назад. Человека оставил при себе в надежде, что кто другой из тунгусов явится в Панолик, плачу ему, кормлю с 4 марта (мои приехали 8-го). Выяснилось, что раньше Благовещения никто из тунгусов не должен быть. Приходилось смиряться.

15 марта доносят, что уже в Панолике появился больной оспой. Это была девочка ребенок, заразившаяся от приехавшего сюда работника. Теперь уже больных прибавилось — две женщины и подросток. Я сам захворал. Этот случай доконал меня несчастьем. Он окончательно разрушил мой план поездки в таежные обиталища тунгусов при помощи оленей. По примеру многих лет утверждают, что тунгусов теперь не затанешь в Панолик и на аркане. Они, являясь в жилые места, прежде всего осведомляются насчет того «здоров ли народ» (русские). Скажи, что нездоров, или они сами узнают (очень скоро узнают) — все выметутся и долго избегают прокаженного места. Оно и понятно, что им приходится держаться поговорки «береженого и Бог бережет», так как эпидемии производят среди них ужасные опустошения, а медицинская помощь их ждет только на небесах. Этой зимой по каким-то причинам у тунгуса, расположившегося с юртой вблизи Панолика, умерла зыбочная девочка. Убитый горем отец едва не зарубил топором своих друзей русских, пришедших навещать его, считая, что они утаили о болезни в деревне. Только жена этого тунгуса спасла кежемцев от рокового случая. На этом основании уверяют, что тунгусы теперь ни за что не возьмут нас к себе. Пытаться на это даже как-то грешно. Сами мы дважды, хотя и безуспешно, прививали себе оспу, но не можем поручиться за то, что чисты от нее, ибо находимся в непрерывных и тесных сношениях, благодаря особой назойливости тунгусятников, с населением Панолика. Полная возможность прихватить и унести к тунгусам оспу. Быть источником их смерти у меня нет решимости и желания.

Живем в избушке с железной печкой. Топим и на ней же готовим чай, обед. Жара невыносимая. Для охлаждения отворяем настежь двери. Умываемся на морозе на улице. Резкие переходы от адской жары к холоду сказались на мне скоро — я хватил лихорадку и свинку, сейчас только поправляться начал. На

этом основании на общем совете решено: весновать в Панолике, строить лодку, а по воде спуститься до устья Чуны (правый приток Катанги) и там заосновать, делая разведки в верховья этой реки. Словом испытываем все зависящие от нас меры, чтобы выполнить взятую на себя задачу, чтобы в случае неудачи или растраты попусту денег не быть в ответе за нерадивость и бездеятельность. Как будто оправдывается народная поговорка: «Касьян на что взглянет, то и вянет». Первая часть моего проекта завяла, не успев расцвести, под давлением исключительности обстоятельства — злой оспы.

В отношении меня лично у торговцев имелось старое недовольство за опубликование данных об их торговле с тунгусами. Представился случай свести счеты. И они свели. Я не мог скрыть от них плана предстоящей поездки — комиссионером по ее устройству был их же собрат; кроме того я не мог фактически столкнуться с кем-либо из тунгусов без того, чтобы их «друзья» не узнали об этом тотчас же. Узнав заранее о цели моего приезда, эти господа пользовались преимуществом первой встречи своих гостей и устраивали их против меня. В конце концов и законтракованный мною «тунгусятник» уже за неделю до прихода последних тунгусов отказался от своей миссии. А когда те прибыли 27 марта, то повел переговоры из рук вон плохо, в кругу же своей братии. Один из тунгусов было согласился стать проводником, как он передавал, но честная компания расхолодила его тем соображением, что, де, «я могу помереть в тайге и тогда его, де, затаскает начальство». Та же история повторилась и со следующей партией тунгусов. Последние, впрочем, прибыли в первых числах апреля. Не было уже возможности, если бы они и согласились, сходить домой за оленями для нас, привести ко мне и с нами уже возвратиться к себе. Этому помешала бы начавшаяся весенняя распутица. По этим причинам поездка на оленях не состоялась. Эта неудача доводила до мысли, что лучше бы и не родиться мне на свет. Скрепя сердце я занялся выполнением второй части своего плана. С грехом пополам, при тормовзах торжествовавших тунгусятников, удалось сколотить небольшой емкости лодку, в этом трудном деле горячее содействие оказали мои спутники — П.Воронов и К.Масленников.

3 мая, только что прошел первый лед «оплотинами» (огромные плесы) и столь густо, что казалось можно было бы перебежать по нему с берега на берег, я с К.Масленниковым и П.Вороновым поплыли вниз по течению Катанги на своей лодке. На 280-й версте приблизительно встретилось нам первое тунгусское стойбище, оказалось две семьи. После

→ (Продолжение на 12 стр.)

того до самого устья р. Чуни мы не встретили тунгусов, их не было и на ее устье. Этой рекою я вознамерился воспользоваться, чтобы осуществить свое заветное желание попасть к тунгусам, свободным от ближайшего на них воздействия торговцев. Скоро представился случай. Я сошелся с группою тунгусов, прибывших с Чуни в торговую «Контору», на следующих условиях: на свою лодку я взял их муку и другие товары, а они пообещали помочь тащить ее бечевой вверх Чуни и довести до своего места жительства.

Тунгусы оказались малоспособными для лямки, слабосильными, а некоторые к тому же еще и с ленцою; вся тяжесть лоцманства и тягловой силы пала на моих спутников П.Воронова и К.Масленникова; местами мне самому приходилось впрягаться в лямку и брести водою. В самом серьезном препятствии нас совершенно покинули тунгусы. Только благодаря находчивости и смелости П.Воронова мы миновали опасность быть опрокинутыми с лодкой бурным течением. Однако мы все же добрались до конечного пункта путешествия наших товарищей-тунгусов, встретив на с лишком 100 верстном расстоянии всего в одном месте 3-4 родственных друг другу семьи.

Оставив на устье речки Второй Чунки П.Воронова при лодке, я в сопровождении тунгусов и своего спутника фотографа К.Масленникова совершил на оленях экскурсию в стойбище наших друзей, разбитом на одном из плоскогорий, в нескольких десятках верст от нашего пристанища. Там удалось найти шамана и добиться от него камлания; для этого пришлось купить и заколоть жертвенного оленя. Мясо было съедено всеми присутствовавшими на этом «суглане», шкура была подвешена к жерди как жертва «Шовоки» (Богу), а нижняя челюсть после ворожбы с нею на окончательном сеансе шаманства была взята мною как экспонат для Музея. Там же ювелиры железную броню («холдэ») старинных тунгусских воинов, сделаны были: принадлежности добывания деревянного огня, «муқдуннэ» – фигура для поминания умерших, изображение убитого медведя и т.п. Очень существенное содействие при этом оказали: тунгус Лимпейской колоды (с Нижней Тунгуски) Павел Удынов и братья Иван, Семен и Алексей.

Наше соглядатайство в продолжении нескольких дней в конце концов привело в отчаяние наших знакомцев – об этом нам сказали откровенно. Пришлось, разумеется, откочевать, тем более, что и сами тунгусы, действительно, должны были торопиться идти за стадами своих оленей, которые направлялись к северу, угоняемые появившимися комарами. Тунгусам было положительно не до нас. Считаясь с этим, я возвратился к лодке, в скором времени мы были уже на

устье Чуни; вторично заходили в нее к появившимся тунгусам и долго жили на устье ее ради спорадически показывавшихся инородцев; однако здесь их подстерегали «тунгусятники», завязывали с ними торжища и спаивали. Алкоголь и фальсифицированные «ромчики», вина и т.п. одурманивали тунгусов; в состоянии невменяемости они производили с русскими торговые сделки, а затем уходили прочь. Очень редко удавалось что-нибудь приобрести от них для Музея даже за хорошие деньги» [8].

«Наряду со Спасской церковью Кежмы, но самостоятельно участвуют в крещении тунгусов Кирико-Иулитинская церковь в с. Пановском, отстоящем от с. Кежмы в 40 в.; Спасская церковь в с. Чадобском (осн. в 1762 г.); Петро-Павловская церковь в с. Богучанах (осн. в 1795 г.) и Спасская церковь в с. Рыбном Пинчужской волости; церкви золотых приисков в Южно и Северно-Енисейского горного округа; Троицкая церковь в с. Дубческом (Ворогово); Христорожественская церковь в с. Усть-Питском Анциферовской волости и другие.

Мы познакомились с одним священником С.; ревнуя о насаждении православия среди тунгусов он успел на их пожертвования построить на реке Катанге часовню. В 1908 году им была принята поездка по этой реке с целью «приобретения душ», в чем и успел; но в то же время выреченные от тунгусов, которых крестил, деньги и «приклады» (пожертвования) на церковь в конце концов прокутил и проиграл в карты русским торгующим («тунгусятникам»). До своего места, чуть ли не 600 верст вверх реки, пришлось ему возвращаться «пехтурою».

Вот что, между прочим, нам самим довелось наблюдать над тем, как производилось крещение двух тунгусов. Одному из них было лет 20, другой имел уже четверых детей. Молодой совсем не говорил по-русски, старший – с великим трудом. Оба вышли одновременно в торговый пункт при устье Чуни, одного из водных притоков Катанги, где по особому приглашению «тунгусятников» отаборился знакомый уже нам священник С. Услужливые торговцы тотчас же признали в пришлецах «язычников» и постановили подвергнуть их крещению. Священник одобрил этот план, незамедлил приготовить все нужное и приступил к совершению обряда. Надо было видеть в это время лица очумелых полуголых олоньки и то, какую эквилибристику производили они правыми руками в тщетной попытке осенить себя, по понуждению духовного отца и русских, крестным знаменем, делая это невпопад, с плеча на живот или со лба на плечо, чтобы убедиться, что в этот момент (их не пере- честь) совершалось не святое Таинство

Крещения, а самое откровенное поругание этого таинства и циничное попрание человеческой совести. За все это «приобретенные души» заплатились вдобавок материально: подарили батюшке по три рубля и преподнесли меха своим восприимчикам-торговцам; последние, будто бы порадев для Бога, в свою очередь приобрели «новые души» промышленников, которым, по установившемуся обычаю, не вырваться уже из их кабалы до самой смерти. Финалом такого способа крещения «язычников» был тот, что «новокрещенцы» олоньки в скором времени принимали участие в устроенной шаманом мистерии.

Приглашение священника чунскими торговцами на свой пункт состоялось по следующему поводу. Непомерная эксплуатация, жестокое обращение, насиливание тунгусских девушек и женщин, убийство тунгуса, наконец, отпугнули тунгусов от разбойного гнезда русских. Вот для поправления своих торговых дел «тунгусятники» этого участка привезли на свой счет означенного священника. Они рассчитали, что тунгусы, узнав о пребывании в их месте «батюшки» (для чего надо было крестить кого-нибудь из тунгусов и пустить в тайгу), валом повалят в их пункт. Будет тогда, мол, пожива и батюшке, и нам. На эту удочку, однако, не дались тунгусы в то лето, разрушив таким образом сокровенные вождедения духовного отца и его покровителей – кулаков. Чисто русский триумвират кулака, духовенства и полиции и является главным оплотом русификации наших инородцев и распространения среди них православия» [9].

«В поисках за коллекциями мы подолгу живали в разных пунктах, где видели тунгусов или угадывали только их признаки; в то же время совершили весьма интересный, но довольно трудный подъем с грузовой лодкой верст на 130 вверх реки Чуни, одного из главных притоков Катанги. За всем тем удалось устроить поездку на оленях недалеко в сторону от Чуни. Местами нам встречались небольшие группы тунгусов; как временные гости на большой реке они мало имели нового, чем надлежало пополнять собранную мною в 1907 году этнографическую коллекцию. В конце концов то, что было собрано, едва вместились в нашу лодку, – так она тесна была для трех человек, дорожных припасов и купленных вещей для Музея. Случалось, ее захлестывало волнами в порогах; их благополучно мы миновали единственно благодаря удивительному лоцманскому искусству П.Т.Воронова и горячему содействию К.А.Масленникова, который по званию фотографа не обязан был исполнять вдобавок роль матроса.

Завершая краткий отчет о своих этнографических поездках для Музея, я не

могу без душевной скорби вспомнить финал последней из них. Сами остались живы, лодка не сокрушилась (первая в 1907 году затонула), зато лишились добычи. То, что было собрано с большой затратой денег и еще с большими лишениями и трудом, подчас с деяниями святотатственными, все – почти целиком – потерялось на сибирской железной дороге. В числе пропавших вещей находились такие ценные как, например, железная броня тунгусских воинов, механизм для добывания деревянного огня, могильные и шаманские принадлежности, амулеты и пр.

Сибирско-русские простолюдины боятся имущества инородческих шаманов и вредных действий со стороны погребенных. Они никогда, за редкими исключениями, не трогают могильников инородцев и старательно избегают чем-либо вызвать гнев их шаманов. В такой своеобразной форме суеверного страха можно усмотреть, по-моему, зачатки истинного понимания у темной массы сибирско-русского населения святости религиозных основ и священности реликвий чуждых им инородцев. Я лично, относящий себя к культурной части человечества, между тем с легким как бы сердцем совершал святотатство не только с точки зрения собственной совести, но и с точек зрения тунгуса и сибирско-русских жителей, когда утаскивал, например, гроб с останками мертвеца или разорял тунгусские мольбища и доставлял их онанги в Музей. Делая это, я руководился не столько ревностью музейского коллекционера, сколько соображением, что подобные экспонаты будут особенно ценны в научном отношении и надолго сохранятся как подлинные памятники первобытной духовной культуры тунгусов.

В результате получилось нечто экстраординарное. Кроме потери вещей меня постигло гораздо ужасное несчастье – в декабре месяце 1908 года я похоронил горячо любимую дочь и сам пролежал три месяца сильно больным воспалением легких.

Здорово рассуждая, должно признать, что эти факты не больше как простое, хотя далеко незаурядное совпадение обстоятельств.

Но если слух об этом дойдет до той части сибирско-русского населения, которая знала о моих поездках к тунгусам и о том, что запретного с их точки зрения я собрал там; если слух о том же достигнет самих тунгусов, которые теперь по всей вероятности также осведомлены о моих поступках, конечно, святотатственных с точки зрения догматов их «веры» – тогда для первого населения получится очень верное доказательство того, что их суеверное уважение к святыням тунгусов оправдалось новыми фактами действи-

Шаманский чум Корзила Парченова.

тельности; для вторых это возымеет силу непреложной истины в том, что их «Шо-воки», их «саманы» жестоко наказывают также и иноверных нарушителей тунгусской «веры». Таким образом окажется, по мнению тех и других, что для проявления могущества высшего духа тунгусов и их шаманов не существует пределов «недосягаемости».

Эрго – я был наказан, скажут они.

Соболезнуя душевно о допущении мною разорения тунгусских святынь, пользой науке как бы оправдываемом, чем была нанесена добрым доверчивым тунгусам жестокая обида, лично я, исключая пропажу коллекций, в чем замешана злая воля людей, самое ужасное для меня – это смерть родной дочери – отношу на счет проявления безумной стихии, которая легче и чаще всего поражает детей неимущих классов.

Под таким свежим впечатлением и собственным сознанием далеко нерасторопного свойства я задумал написать свои материалы по шаманству тунгусов, посвятив написанное памяти моей незабвенной дочурки – Верочке Макаренко» [10].

Примечания:

1. Дневник путевой А.Макаренко периода второй экспедиции на р. Катангу летом 1908 года, ф. 6 оп. 1. д. 141–143
2. Материалы по истории шаманства у эвенков, собранные А.Макаренко в экспедиции 1907-1908 гг., часть II. Архив РЭМ ф. 6 оп. 1 д. 122
3. Описание шаманского чума, ф. 6 оп.1 д.132а
4. Дневник путевой А.Макаренко периода второй экспедиции на р. Катангу летом 1908 года, ф. 6 оп. 1. д. 141–143
5. Там же
6. Из письма А.А.Макаренко к жене, ф. 6, оп. 1, д.151-152
7. Дневник путевой А.Макаренко периода второй экспедиции на р. Катангу летом 1908 года, ф. 6 оп. 1. д. 141–143
8. Переписка и отчеты члена РГО А.А.Макаренко по русской и тунгусской этнографии в Восточной Сибири. 1908-1912 гг. Архив РЭМ, ф. 1, оп. 2, д. 387
9. А.А.Макаренко, Введение к шаманству северных тунгусов (эвенков), ф. 6 оп. 1 д. 131
10. А.А.Макаренко, К итогам экспедиций 1904-1908 гг. в Енисейскую губернию (предисловие к статье), ф. 6 оп. 1 д. 185

Юрий КЛИЦЕНКО.

